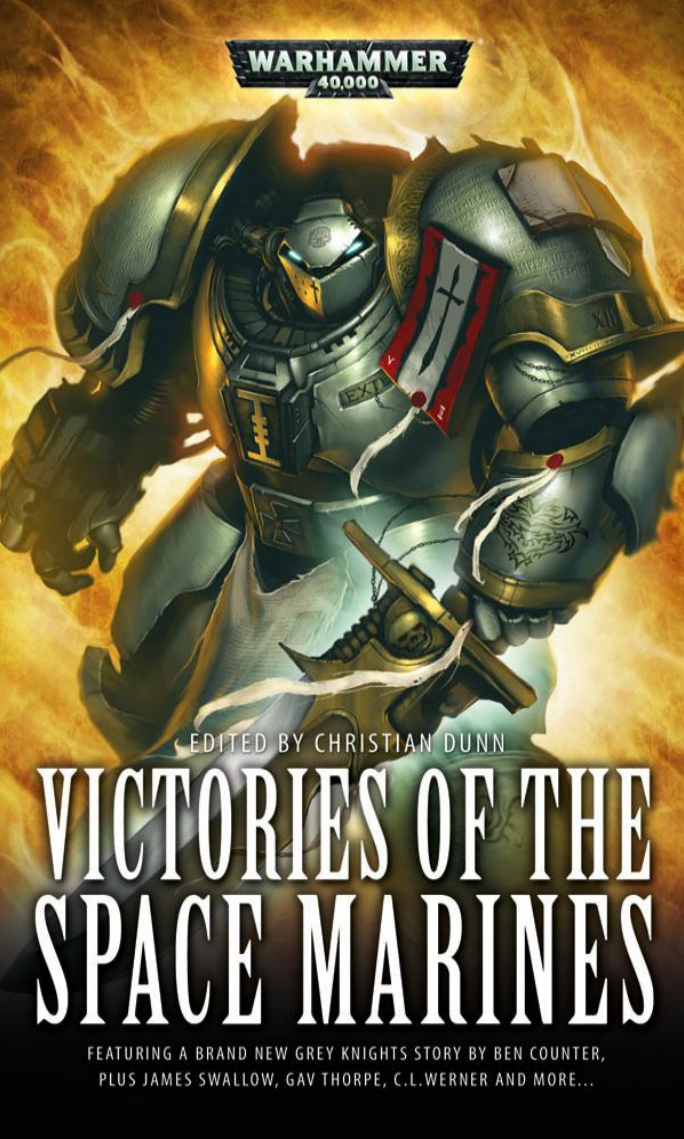

WARHAMMER
40,000

EDITED BY CHRISTIAN DUNN

VICTORIES OF THE SPACE MARINES

FEATURING A BRAND NEW GREY KNIGHTS STORY BY BEN COUNTER,
PLUS JAMES SWALLOW, GAV THORPE, C.L.WERNER AND MORE...

Annotation

Введите сюда краткую аннотацию

- [Бен Каунтер](#)
-

Бен Каунтер

ЖЕРТВА

Варн обрушился на него.

Тело пронизал неземной холод.

Он мог видеть на миллиарды километров во всех направлениях, сквозь злобные призраки мертвых звезд и светящиеся туманности, похожие на околуплодные пузыри, сквозь вековую тьму. Аларик поборол видение и с трудом оторвал взгляд от бесконечностей, разворачивающихся вокруг. Психические обереги, встроенные в его доспехи, раскалились добела, клеймя его кожу ожогами в форме священных спиралей.

Он пытался вдохнуть, но воздуха здесь не было. Он пытался двигаться, но пространство и движение не имели здесь никакого значения. За пределами чувств, далеко в черном сердце вселенной, он ощущал присутствие могущественных, богоподобных разумов, которые наблюдали за тем, кто проносился сквозь их владения.

«Человек, -- с усилием подумал он, -- не создан для телепортации».

С грохотом взрыва Аларик снова оказался в реальном пространстве за несколько сотен километров от телепортационного устройства на «Обсидиановом Небе», откуда он совершил переход. Даже костические десантники -- даже Серые Рыцари -- не были застрахованы от дезориентации, когда их швыряло через барьер в иную часть космоса, и прошла секунда, прежде чем его почувствовал удалось справиться с реальностью вокруг.

Отделение перенеслось на линейный крейсер «Безжалостный». Всюду виднелись знакомые черты имперского боевого корабля: начиная от аквил, высеченных на сводчатом поддерживаемом колоннами потолке, и заканчивая молитвенными алгоритмами, нанесенными на металлический пол кораблестроителями Механикус.

В воздухе витала странная смесь запахов, характерных для космолетов. Машинное масло, пот, благовония для

вечных техноритмалов, топливо для
орудий корабля. Ко всему добавлялся
шиплющий язык привкус озона,
порожденный внезапным прибытием
отделения.

Аларик пару раз вдохнул
переохлажденный воздух.

--- Братья! --- прохрипел он. ---
Отзовитесь.

--- Я жив, брат, --- ответил Дворн. Он
лежал в нескольких метрах от него, и с
его доспехов осыпался иней.

--- У я, --- сказал Хаулварн. Второй
после Аларика, он прислонился к стене
коридора. Для него переход был не
холодным, а нестерпимо жарким, и его
доспехи шипели и выпускали искры там,
где соприкасались со стеной.

Брат Визикаль резко закашлялся и с
трудом поднялся на ноги. Вместо ответа
он просто посмотрел в глаза юстикару.
Визикаль был неопытным для Серого
Рыцаря и никогда раньше не
телепортировался. Это было редким
событием даже для ветерана вроде самого
Аларика. Необходимые для перехода

технологические устройства уже не производились, и их можно было найти лишь на горстке самых древних боевых кораблей Империи.

Все отделение перенеслось на «Безжалостный». За одно это уже можно было благодарить судьбу. Телепортация — не точная наука, и даже самые старые машины могли порой отправить человека в варн и потерять его там навсегда. Его могло вывернуть наизнанку, перенести внутрь стены или сплавить воедино с другим путешественником. К счастью, ничего из этого с отделением Аларика не произошло. Удача пока что и улыбалась.

— Мы на нижней инженерной палубе, — сообщил Хаулварн, взглянув на инфопланишет, встроенный в броню на предплечье.

— Проклятье, — сплюнул Дворн. — Мы сбились с курса.

— Я... — с запинкой пробормотал все еще дезориентированный Визикаль. — Я... толот... Я — острое Его копьё...

Аларик поднял Визикаля на ноги.

— Самое главное сейчас — найти

Хирка, --- сказал он. --- Надо найти когитатор или взять пленника, чтобы узнать, где он.

Как будто в ответ из глубины коридора донеслось эхо чудовищного воя. Эта часть корабля была сильно запущена, и редкие лампы не освещали тот дальний участок. Звук состоял из ста разных голосов, искаженных и совершенно нечеловеческих.

--- Самое главное --- выжить, --- сказал Дворн.

--- Где же твоя вера, брат? --- с улыбкой попрекнул его Хаулварн. --- Вера --- щит, который никогда не дрогнет! Держитесь стойко, братья! Держитесь!

Дворн взвесил в руках молот «Немезида».

--- Щит оставь себе, --- бросил он. --- У меня есть это.

Ударом ноги Аларик открыл одну из дверей по сторонам коридора. Внутри он увидел пыльную, бесконечную тьму --- это была заброшенная палуба или ангар. Он открылся в дверном проеме, слыша, что завывания приближаются, и их

сопровождает лязг, как от ступающих по
полу ног, обутих в металл. Из
противоположного направления тоже
доносились звуки — ритмичные удары
винтовками или дубинками по стенам.

— Хирк не тратил время зря, —
заметил Аларик. — Он захватил корабль
всего месяц назад. У его команда — уже не
совсем люди.

— Это ненадолго, — сказал Дворн. Он
оглянулся на Визикаля, который пригнулся
в другом проходе и поднял инсинератор,
готовый залить пламенем темноту. —
Что ты говорил?

— Я — толот! — повторил Визикаль
уже нормальным голосом, перекрикивая
нарастающий гул. — Я — щит! Я — броня
на Его кулаке, я — острое Его копьё!

— Вижу их! — крикнул Хаулварн.

Аларик тоже их видел. Бывшая
команда «Безжалостного», слуги
Императора на верном Емү военном
корабле. Теперь от их человечности не
осталось ничего. Первое, что увидал
Аларик — асимметричные тела,
движущиеся под невозможными углами

конечности, растянутые и порванные
флотские униформы, свисающие со
странных переплетений костей и
сухожилий.

Потом он разглядел швы и шрамы.
Бывшие люди были разрезаны на части, а
части --- переставлены местами.
Туловище, превратившееся в опору для
множества растопыренных конечностей.
Три головы, приделанные к одним плечам,
с челюстями из лопаток и ребер, которые
больше походили на жвала насекомого. Но
потолку, цепляясь десятками рук, ползла
живая куча бритвенно-острых костей.

--- У с этой стороны тоже! --- крикнул
Дворн, глядя в другую сторону коридора.

--- поприветствуйте их как следует! ---
приказал Аларик.

Серые Рыцари открыли огонь. Из
установленных на запястьях
штурмболтеров вырвались, рассекая
воздух, потоки снарядов. Волна жара,
исходящего от инсинератора Визикаля,
обожгла ржавчину на стенах. Рука
Аларика дернулась от знакомого чувства
отдачи, будто молотом вгоняющего руку в

плечо.

Первые залпы разнесли матросов-мунтантов на части. Коридор был залит кровью и усеян оторванными конечностями. По телам, будто оседлав живую волну, вперед выскользнула тварь, похожая на змея, созданного из разорванной плоти. Туловища, нагроможденные друг на друга, грубо сшитые вместе, плечо к плечу, живот к животу. Голова монстра состояла из отрубленных рук, удерживаемых вместе проволокой и металлическими нитями, так что получалось подобие огромного звериного черепа. Зубы были заостренными ребрами, глаза — бьющимися сердцами. Чудовищную торгу рассекла надвое змеиная ухмылка.

Оно двигалось даже быстрее, чем могло отреагировать Аларик. Миг, и тварь уже была на нем и широко раскрыла пасть, демонстрируя тысячи крошечных, жероющих зубов, что усеивали его глотку.

Аларик рывком встал на ноги, плечо врезалось твари под челюсть. Он вознал кулак в мясистую шею противника, надеясь, что его штуртболтер целится в

нечто жизненно важное — в мозг или сердце, без которого этой терзости не выжить.

В его уме вспыхнули слова молитвы.

Аларик выстрелил.

Свет был хуже, чем тьма.

Человек купался в свете, который, казалось, озарял не только тело, но и разум. Все его грехи и потаенные страхи открылись, и их можно было видеть так же ярко, как цветные рисунки в молитвеннике.

Над ним возвышался купол собора. Сверху свисали тысячи кадильниц, пылающих в облаке едкого дыма. Купол был расписан картинами, изображающими сто различных пыток, каждой из которых подвергался известный грешник, враг Имперской веры. Раны на колесованном теле инкрустировали рубинами. Другая жертва, пронзенная копьем через живот и медленно сползавшая по нему вниз, плакала слезами из сосальным золотом.

Свет исходил не из купола, а снизу. Вера подобна огню, ибо дарит тепло и отраду, но может и разрушать. И поэтому

пол собора был наполнен огнем. Здесь постоянно пылали сотни горелок, сливаясь в единый океан пламени. Протянутые над ним бронзовые мостки, на которые могли ступить лишь священнослужители, так накалялись, что светились красным, и жрецам приходилось надевать специально защищенные и охлаждаемые одеяния.

Человек, преклонивший колени у алтаря, не был жрецом. У него не было защиты, и он едва мог дышать в жаре и духоте. На запястьях, под быстро нагревающимися оковами, кожа обгорела. Он стоял на молитвенной подушечке, но, несмотря на это, лодыжки и колени уже покраснели. На нем был лишь золотой парчовый табард, а голову этим утром выбрили, сопровождая действие сложным ритуалом.

На металлическом полу перед ним стояла серебряная чаша. Он знал, что она нужна для сбора его крови.

Один из многочисленных служителей собора подошел к коленопреклоненному человеку. Одеяния Екклезиархии скрывали его почти целиком, словно кокон из шелка

и горноста, который открывал лишь глаза. Мантии разошлись в стороны, наружу показалась рука. В ладони, обтянутой алой бархатной перчаткой, лежала одна-единственная пуля.

Пуля упала в серебряную чашу. Человек перед ней дернулся от звона.

Другие жрецы наблюдали с металлических мостов, подсвеченных снизу огненным озером. Пламя бросало отблески на красные, пурпурные и белые мантии. Были видны только глаза.

Один из них, облаченный в подобающие кардиналу пурпур и серебро, поднял руку.

— Начнет, — сказал он, и его слова гулко отдались под жарким сводом собора.

Жрец перед жертвенным алтарем вынул нож из-под мантии. Золотой клинок, покрытый молитвенными текстами на высоком готике. Пленник — жертва — отпрянул, когда острое коснулось его шеи.

Город снаружи был тише и хладен. Это был город, полный тайн и мрачных надежд. Место, где обычному человеку — такому, каким когда-то была жертва —

приходилось нарушать правила, чтобы хоть как-то выжить. В каждом переулке и подвале скрывались те, кто переступал через эти правила. Фальшивые удостоверения, подпольные сделки, незаконные вещества, даже убийства, если есть чем заплатить. Некоторые преступники делали прорезь в животе клиента и имплантировали специальный карман, куда можно было спрятать маленький предмет. Спрятать так тщательно, что, даже если бы клиента раздели до пояса и приволокли к жертвенному алтарю, эту вещь все равно бы не нашли.

Он также отдал то небольшое, что имел, чтобы ему заменили один ноготь на миниатюрное лезвие. Когда жрец поднял нож и возвел взгляд к куполу, жертва вспорола этим крошечным клинком старый шрам сбоку живота. Вспыхнула боль, как от булавочных уколов. Хирург, оперировавший в том грязном подвале, уничтожил не все нервные окончания. Желудок жертвы скрутило, когда он просунул палец внутрь раны, ощупывая

скользкие стенки имплантированного
кармана.

Его пальцы сомкнулись на рукояти.

--- Сей кровью, --- нараспев произнес
жрец, --- пролитой сим клинком, да
святится оружие! О Император на небесах,
о Владыка Человечества, о Отец
грядущего, взгляни на наше подношение!

Жертва вскочила на ноги. Металл
обжег его стопы. Свободной рукой он
схватил священника за запястье и
заломил за спину, притянув к себе. Другая
рука приставила дуло миниатюрного
пистолета к затылку жреца.

По собору пробежала волна тревоги.
Священнослужители глядели то на
алтарь, то друг на друга, как будто
ожидая пояснения, что это просто еще
одна вариация ритуала, который все они
видели уже сотни раз.

--- Сейчас я выйду отсюда! --- крикнула
жертва. --- Вы слышите? Когда я окажусь
на свободе, в глубине города, я его отпущу.
Попытайтесь остановить меня или
следовать за мной --- он умрет. Его жизнь
стоит много больше, чем одна священная

пұля. Не толкайте меня на убийство.

Жрецы, все как один, отступили назад, и только кардинал не сдвинулся с места.

Лицо его было скрыто, но власть и авторитет, которые и сделали его кардиналом, ощущались всеми собравшимися. Встроенные в купол вокс-устройства превратили его голос в гром, перекрывающий треск пламени.

— Не смей и думать, что знаешь, — сказал кардинал, — какова для меня цена жизни. Убо я — слуга Императора, где каждый день погибает миллиарды отважных людей. Убо один лишь Император может сосчитать тех, кто умрет во имя Его. Не смей думать, что знаешь. Будь просто благодарен, что мы дали тебе шанс послужить Ему в смерти.

Жертва толкнула жреца вперед, заставив его пройти несколько шагов. Лишь несколько слоев шелка отделяли дуло пистолета от черепа священника, которого жертва держала перед собой, как будто пытаясь защититься им от кардинала.

--- Никто не узнает, что вы меня
отпустили, --- сказал человек. ---
Священники сделают все, что ты им
скажешь. Они не будут распускать языки.
А я просто исчезну. Никто никогда не
узнает.

--- Император всегда наблюдает, ---
ответил кардинал. --- Император знает
все.

--- Тогда убейте на этом алтаре сто
человек, чтобы он был счастлив! ---
крикнула жертва. --- Зарежьте сотню
убийц. Их тут много. Сотню грешников.
Только не меня. Я хороший человек, я не
заслуживаю смерти!

Кардинал простер руки, будто стоял
за кафедрой, перед огромным собранием.

--- Именно поэтому здесь должен быть
ты, --- сказал он. --- Чего стоит кровь
грешника?

--- Тогда найдите кого-то другого, ---
потребовала жертва, подталкивая своего
пленника еще на несколько шагов вперед.
За кардиналом возвышались главные двери
собора, покрытые тяжелыми бронзовыми
барельефами с изображениями

Императора на троне.

--- Брат, --- все так же спокойно проговорил кардинал. --- Тысячу раз этот мир благословлял нули кровью добрых людей. Тысяча других миров платит тебе же дань нашим собратьям из Инквизиции. Думаешь, ты первая жертва, которая пытается сбежать от нас? Первый, кто смог пронести оружие, несмотря на ритуальное очищение? Помни свое место. Ты --- всего лишь человек. Все, что ты можешь сделать, уже пытался сделать кто-то другой. И потерпел неудачу. Ты не уйдешь отсюда. Ты преклонишь колени и утреешь, и твоя кровь освятит наше подношение.

--- Этот человек утрет, --- прошипела жертва, --- если вы меня не освободите.

Кардинал вынул что-то из подмантии. Это была простая серебряная цепочка, с которой свисал единственный красный самоцвет. Украшение совсем не походило на алмазы и изумруды, демонстративно сверкавшие на толстой золотой цепи на шее кардинала. Оно казалось неуместным в его шелковой

перчатке.

Жертва застыла на месте. Взгляд был прикован к цепочке в руке кардинала. Он узнал эту вещь.

--- Талайя, --- выдохнул он.

--- Если ты не встанешь на колени и не откроешь горло клинку Императора, --- сказал кардинал, --- она займет твое место. Она хорошая женщина, не правда ли?

Человек отступил от пленного жреца, не сводя глаз с украшения. Ноги коснулись обжигающего металла алтаря.

Он отбросил пистолет в сторону, в пламя.

Он опустился на колени и наклонил голову над серебряной чашей, в которой лежала пуля.

--- Продолжай, --- повелел кардинал.

У жертвы не было времени, чтобы закричать от боли. Удар жертвенного кинжала, нанесенный опытной рукой, рассек позвоночник и вскрыл вены и артерии горла. Он успел только увидеть, как пуля утонает в темно-красной крови, а затем настала тьма.

Освященная пұля пробилa череп змея и взорбалась, разметав по потолку клочья дюжины мозгов.

Всем своим весом мұтировавшая тварь рұхнула на Аларика. Тот скинул ее движением плеч и бросил взгляд назад, на остальных воинов отделения. Дворн ломалшею какому-то сұществу, у которого было слишком много конечностей, а Хаулварн истреблял болтерным огнем последних бывших членов экипажа, ұползающих по коридору. Огонь лизал стены и потолок, льнул к обұгленным останкам мұтантов, которых сжег Визикаль.

--- Угет дальше! --- крикнул Аларик. --- Они знают, что мы здесь!

Он побежал по коридору. Подожвы бронированных сапог скользили в пролитой крови и с хрустом стұпали по трупам. Впереди лежало то, что когда-то было жилищем для экипажа. Больше тридцати тысяч человек населяло «Безжалостный», посвятив свои жизни обслуживанию и защите огромного крейсера. Но произошел татеж, корабль пропал, и всего через несколько недель стало достоверно

известно, что на борту находится Бүлзор Хирк. Этого времени было более чем достаточно, чтобы Хирк успел превратить каждого матроса в нечто совершенно иное.

Здесь, в жилых отсеках, происходили некоторые из этих превращений. Стены и потолок вздулись пузырями-цистами из прозрачного, пронизанного сосудами металла, внутри которых виднелись бескожие тела растущих лүтантов. Люди деградировали до состояния зародышей и рождались вновь, уже другими.

Каждая тварь отличалась от другой и была по-своему мерзостна. Хирк, помимо всего прочего, считал себя художником.

— Хотел бы я все это сжечь, — сказал Визикаль.

— Мы это сожжем, — согласился Дворн. — Флот сожжет. Весь корабль сгорит, когда мы убедимся, что Хирк мертв.

Циста рядом с Визикалем треснула. Наружу вывалилось существо, которое выглядело как два человеческих туловища, сросшихся талиями, так что получилось

нечто вроде змеи с уродливymi, бугристыми головами с каждого конца. Конечностей не было, только кисти рук, растущие по бокам. Их пальцы двигались, как лапки сороконожки.

Визикаль обдал мутанта струей пламени. Тот зашипел и съежился.

— Как может праведная человеческая плоть обратиться в нечто подобное? — спросил он.

— Думай не о том, как далеки от людей эти мерзостные отродья, — сказал Аларик. — Думай, как близки они к ним. Даже Серый Рыцарь не так уж далек от созданий Хирка. Грань тонка. Не забывай это, брат.

Аларик проверил свой штурмболтер и перезарядил его. Каждый болт был освящен и благословлен Экклезиархией. Он потратит еще много, очень много снарядов, прежде чем покинет «Безжалостный».

Хаулварн вырвал панель из стены и осматривал находящиеся внутри провода.

— Тут проходят кабели, проводящие данные между когитаторами, — сообщил

он и вставил в инфопланишет один из проводов. -- Много энергии направлено к астронавигационному куполу. Куда больше, чем обычно. Что бы там ни делал Хирк, это как-то связано с куполом.

-- Купол «Безжалостного» -- археотех, -- сказал Аларик. -- Он старше, чем все остальное на флоте. Видимо, поэтому Хирк выбрал этот корабль.

-- Единственное, что меня интересует, -- ощерился Дворн, -- так это его местонахождение.

Пол затрясся, как будто крейсер готов был развалиться на куски, и грохот пробежала по всем палубам. По кораблю пронесся вой -- звук разрываемой реальности. Воздух стал густым и маслянистым, темные ручейки крови потекли по искаженным стенам жилого помещения.

-- Демоны, -- выплюнул Аларик.

-- Хирк прорвал грань, -- сказал Хаулварн.

-- Именно поэтому мы здесь, -- добавил Аларик. -- Поэтому больше никто не смог бы его убить.

С верхних палуб просочилось
бессвязное бормотание тысячи голосов.
Завывающие, нечеловеческие, они были
эхом бурь, терзающих варн. Каждый голос —
осколок голоса, принадлежащего
божеству, каждый принадлежал одному из
демонов, которые рекой изливались на
«Безжалостный».

— Наверх, — приказал Аларик. —
Вперед! Сразится с ними и убьет каждого,
кто встанет у нас на пути! Мы — острее
Его копья, братья!

Дворн, широко расставив ноги, встал
у двери в дальнем конце жилого отсека,
держа молот наготове. Хотя он так же
метко стрелял из штурмболтера, как
любой другой Серый Рыцарь, он
предпочитал сражаться лицом к лицу,
обрушивая молот на демонские шкуры.
Дворн был самым сильным Агентом
Астартес из тех, с кем когда-либо
встречался Аларик. Он как будто родился
для того, чтобы насквозь пробивать
переборки и сокрушать любых врагов,
какие только могли ждать его по ту
сторону.

Визикаль и Хаулварн встали рядом с
дверью по сторонам от Дворна.

--- Давай, брат! --- крикнул Аларик.

Ударом ноги Дворн сорвал дверь с
петель. Тяга отозвалась ревом, порывом
гнилостного ветра, донесшегося с верхних
палуб.

Открытая Дворном дверь вела в
сырое, пульсирующее сердце корабля,
зловонное месиво полужидкой плоти,
подсвеченной красноватой
биолюминесценцией. Демоны со
светящейся, сверхъестественной плотью
текли по стенам и потолку, как кипящий
прилив, поднимающийся из самого ада.

--- Ползи ближе, рвота варна! ---
заревел Дворн. --- Дай я икнунаю тебя в
пламени гнева Императора!

Узлы радужно переливающейся плоти,
каждую секунду отращающие дюжину
новых конечностей и глаз. Однорогие
твари-циклопы, покрытые наростами
гнили и ржавчины. Череполикие,
хихикающие существа с кожей цвета
крови. Тонкие, невероятно грациозные
чудовища, в каждом прыжке которых

сквозил ужасный соблазн.

Аларик твердо стоял на ногах, сжата алегбардү, бугмо конейщик, готовый встретить несущегося на него всадника.

Волна демонов нахлынула на Серых Рыцарей бурей плоти и скверны, порожденной сатим варпом.

Ксанта стояла на коленях, как при молитве, но не молилась.

Ангар был чернее ночи, и она могла вообразить, бугмо находится здесь огна. В нем была заперта еще сотня душ, прикованных к полу или стенам, но они безмолвствовали. Они молчали уже много недель. В начале путешествия, когда их, бугмо стаго, перегнали из клеток в ангар корабля, они вопили, стенали, утоляли о пощаде. Теперь они уже поняли, что команда их не слушает. Члены экипажа ходили по кораблю, скрытые под масками и робаты, и ни разу не заговорили с кем-либо из узников, как бы их ни утоляли поведать, куда они летят и что с ними будет. Даже дети перестали задавать вопросы.

Ксанта знала, почему их здесь собрали. Они были ведьмами. Некоторые из них были ворожеями, знахарями, целителями и мудрецами с примитивных миров, которых пленили и передали людям, пришедшим с неба, чтобы получить за это оружие или просто, чтобы звездный корабль улетел. Другие были убийцами и соглядатаями, чьи способности сделали их ценными наемниками для благородных семей и банд подполья, а вместе с тем — и лишениями для планетарных властей. Ксанта была одной из них, шпионкой, и хотя она тщательно старалась не заводить себе смертельных врагов среди аристократов-головорезов ее родного мира, ничто не спасло ее, когда пришли арбитры сщитами и гробовиками, чтобы очистить весь улей от псайкеров.

Псайкеры. Ведьмы. Еретики. Одним своим существованием они совершали гнуснейший из грехов. Никто не знал, куда их везут, но все понимали, что там, в конце путешествия, их ждет кара.

Ксанта позволила своему разуму

погружаться глубже. Чувства выскользнули за пределы тела. Она видела яркое сияние утов других запертых в трюме псайкеров. Некоторые из них слабо мигали — это были самые опасные, которых все время накачивали сепативами. Другие все еще мерцали надеждой. Большинство светились тускло, приняв свою судьбу.

Она также чувствовала обереги, встроенные в корабль. Сложные геометрические узоры, пентаграммы и переходящие друг в друга спирали, вытравленные психоактивными составами и начертанные священной кровью. Они покрывали каждую поверхность трюма и образовывали щит, непробиваемый для психической силы. Мощь самой Ксанти, куда большая, чем предполагал экипаж корабля, превратилась в неясное мерцание на заворках ее разума.

С одной стены стекала струйка воды. Ксанта заметила ее четыре месяца назад, когда на пленников впервые надели оковы. Какой-то изъяз в стене позволил конденсироваться влаге от их дыхания. Вода копилась и текла вниз. На

протяжении месяцев она проела в металле крошечную полосу ржавчины, не более чем красноватое пятно для невооруженного глаза. Ксанта его не видела --- не воспринимала обычными чувствами --- уже много недель, с тех пор, как ангар последний раз освещался.

Священный елей, которым были начертаны обереги, размылся. Узор был нарушен. Единственная струйка проточила маленький канал --- такой маленький, что его мог использовать только один из наиболее мощных разумов.

Разум Ксанты действительно был очень силен.

Она позволила сознанию выскользнуть из тела. Риск был невероятный, в любой другой ситуации она бы никогда на это не отважилась. Если она не сможет вернуться в тело, то умрет --- дух угаснет, тело просто прекратит дышать. Если же обереги будут усилены, пока Ксанта не успела вернуться, ее полностью оторвет от тела, и она окажется беззащитна перед хищниками, что рыщут у краев реальности в поисках затерянных душ.

Но обстоятельства вынуждали ее.
Риск того стоил.

Разум Ксанты встретился к
крошечной прорехе в защите. Она задевала
узоры, и те прочерчивали на ее душе
царапины психической боли. Она прошла
сквозь огонь и оказалась снаружи.

Черный Корабль простирался вокруг.
Всюду возвышались непроницаемые
барьеры, и Ксанта поняла, что здесь было
много ангаров, и каждый, вероятно, был
полон псайкеров. Возможно, их тут были
тысячи, и все -- одинокие и напуганные.

Коридоры и пол палубы имели привкус
страдания и презрения. Экипаж выглядел,
как белые пятна, их улыбки были так хорошо
защищены от психических помех, что для
восприятия Ксанты они казались черными
дырами.

Черный Корабль был гораздо больше,
чем ожидала Ксанта. Он тянулся вдаль во
всех направлениях, огромный, как город.
Ксанта вслепую двинулась через его
структуру, скользя сквозь стены и между
палубами, стараясь двигаться в стороне
от охранных заклятий, не пропускавших ее.

Камеры тянулись глиняными рядами. Плененные в них разумы были сломлены и тлели тускло, как угли. Их вместилища были пропитаны болью, отчего она чувствовала, что купалась в крови, и медный вкус и запах переполняли ее.

Ксанта встретила прочь от камер, но наткнулась на еще более мучительное ощущение. Это был анатомический амфитеатр со стенами, увешанными схематичными изображениями вскрытых мозгов и позвончиков, и на него наслоилась такая сильная боль и ненависть, что женщина отпрянула от него и упорхнула, как насекомое.

Ксанта знала, что теряет разум. При чем теряет буквально — связь между ее умом и мозгом, который по-прежнему ил управлял, может прерваться, и тогда она застрянет вне тела и будет кружиться по Черному Кораблю, пока какой-нибудь психический оберег ее не уничтожит. Возможно, тут были и другие призраки, другие осиротевшие умы, скитающиеся по палубе.

Она заставила себя сосредоточиться.

С ней такого не будет. В отчаянии
Ксанта нашла одну из черных дыр,
защищенного члена экипажа, и
последовала за ним. Всюду горели свечи ---
в миниатюрных, покрытых потеками воска
святилищах в каждой стеной нише, в
железных канделябрах, свисающих с
каждого потолка. Реликвии ---
раскрашенные иконы, трюхлявые кости,
куски доспехов, покрытые письменами
гильзы от пуль --- лежали в застекленных
шкафах, заполняя палубы корабля
святостью и не давая скверне тысяч
псайкеров проникнуть в разум членов
экипажа.

Они собирались в часовне. Здесь
святость была загрязнена притесью
цинизма и жестокости, которые
контрастировали с чувствами,
исходящими от алтаря, посвященного
Императору-Защитнику. Облагатели
невидимых разумов, сошедшиеся вместе,
стояли на коленях и молились, а один из
них читал проповедь на кафедре,
увешанной кандалами. Здесь было еще
больше свечей, многие из них слились в

едные массы воска и фитилей, скрытые за витражными стеклами. У каждого члена команды тоже была в руках свеча, и все они склонялись под символической тяжестью света, который несли.

Ксанта направила свое сознание к одному из них. Она не могла разглядеть черт его лица из-за встроенного в капюшон ингибиторного устройства, прятавшего от нее и мысли, и внешность. Но какая-то доля того, что он воспринимал, просачивалась наружу, и этого Ксанте хватило, чтобы разобрать слышимые и слова.

Человек за кафедрой был офицером. Ксанта разглядела на его шее медальон в форме буквы «J». На нем была красно-черная униформа с таким высоким воротником, что он не мог повернуть голову, а лоб украшал инкрустированный рубинами лавровый венок. Голос у него был низкий и мрачный, громкий благодаря усилителю в горле.

--- Так помолимся же, --- говорил он, --- чтобы ничто не посягнуло на наш священный долг. Хотя мы уже близки к

цели, да не уталится наша бдительность. Осталось лишь несколько кратких дней, и, несомненно, мы благодарны, что вскоре расстанется с нашим грузом. И все же до последней секунды мы должны быть настороже! Наш долг превышает любого из нас. Исполняя его, мы исполняем нашу цель в служении Императору. Не будьте спокойными, не будьте небрежными. Всегда и везде подозревайте всех!

Речь продолжалась, но Ксанта пропускала слова мимо себя. Она чувствовала их смысл, и он был точно тот же. Ее сознание ускользнуло прочь и полетело следом за группами людей, которые ходили по приводящим в состояние простора верхних палуб. Она увидела возносящиеся ввысь арки и изогнутую сцену оперы, скопление крошечных зданий, похожее на изрубленную деревню, под потолком, раскрашенным как летнее небо. Вещи, которым не место на костическом корабле. От изумления она едва не заблудилась, но тут увидела еще одну россыпь черных пятен там, где собралась еще одна группа экипажа.

Ксанта прочтлась по коридору, заставленному статуями и увешанному портретами. У каждого изображенного человека было прикрыто лицо. Она попала в картографическую комнату, где люди толпились вокруг огромного стола со звездной картой. Уцепившись за потолок, наг ней висел сервитор и делал автонерьями какие-то заметки. Ксанта чувствовала в нем крохотную искорку жизни, ибо, как и всеи сервиторами, этой машиной управлял грубо перепрограммированный человеческий мозг.

В задней части комнаты находился другой сервитор. Голоустройство, проецирующее огромный образ, который занимал большую часть помещения и мерцал наг головами скрытых разумов. Ксанта видела эту картину сквозь призраки их глаз.

Это была огромная печь, и Ксанта могла увидеть каждую ее деталь, подсвеченную сияющими лучами. Ее вид наполнил женщину отвращением, так что скрутило желудок в теле, находящемся

несколькими ярусами ниже. Образ был такой детальный, что Ксанта могла, сжав свое восприятие, влететь внутрь, минуя огромные сводчатые залы и часовни по сторонам. Ее тянуло туда, как будто непреодолимой, завораживающей гравитацией. Пьедесталы со статуями имперских святых и огромные трубы органов очаровывали ее, а зияющая пасть топки словно подтягивала ее к себе за крюки, вцепившиеся в грудь.

Вокруг была камера, подобная пещере, чистая тьма, озаренная полосами света из голоустройств. Наверху, над тем местом, где должен бешевать огонь, возвышалась округлая платформа, где стояла подставка, а на ней был установлен единственный комплект брони. Это были прекрасные доспехи, тяжелые, богато украшенные и слишком большие для обычного человека. Всюду свисали кабели и пружины, рядом парили сервочерепашки, готовые опустить доспехи в пламя кузни.

Ксанта с трудом оторвалась от зрелища, не понимая, почему оно было одновременно притягательным и

отталкивающим. Это что-то значило. Это место было настолько священным и насыщенной энергией, что даже она это чувствовала, хотя ничего о нем не знала.

Люди разговаривали. Их лица скрывались под психической защитой, но слова отдавались эхом. Ксанта не могла не прислушаться к ним, хотя некоторое жестокое предчувствие говорило, что ей не понравится услышанное. Ксанта не могла определить, какими из темных фигур вокруг стола принадлежат голоса, но значение слов было ей ясно, как будто некая сила хотела, чтобы она их поняла.

--- Они знают?

--- Конечно же, нет.

--- А если и знают, какая разница? Они топливо, которое необходимо для кузницы, иначе обереги в госпехах не наполнятся их силой. Единственное, что важно --- это закончить создание госпехов, чтобы Серые Рыцари получили свою дань.

--- Ведьмы --- это паразиты. Галактика станет лучше без них.

--- Это наш долг перед человечеством. Один Серый Рыцарь, который продолжит

сражаться, стоит миллиона этих
грешников.

Ксанта почувствовала, как ее
желудок вновь скрутило, а сердце
затрепетало в груди. Нить между телом
и разумом содрогнулась, и она полетела
вперед, рухнула сквозь палубы Черного
Корабля в трюм, где лежала ее оболочка.
Раскаленная добела боль пронзила ее душу,
когда ту протащило сквозь крошечную
прореху в охранных чарах и вознало
обратно в тело с такой силой, что она
упала набок, и первым ее чувством при
возвращении в реальность был удар
головой о металлический пол.

Ее ощупывали руки. Скрыченные руки
с потрескавшейся кожей. Это были другие
пленники.

— Ксанта? — сказал кто-то из них.
Это была старая женщина, одна из
немногих, кто решался разговаривать с
Ксантой, ибо некоторые узники
подозревали, чем она в действительности
является. — Ты это сделала? Ты покидала
это место?

— Я... да, — прохрипела Ксанта.

чувствуя вкус крови во рту.

--- Где мы? Куда нас везут?

Ксанта открыла глаза. Вокруг собрались другие заключенные, их глаза мерцали, отражая единственный источник света --- огонек в лагони старухи. Она тоже была сильна.

«Мы попадем в топку, --- подумала Ксанта. --- Нас сожгут, чтобы наша сила переместилась в доспех, чтобы его хозяин был защищен от таких, как мы».

На нее глядело множество лиц, все ждали ответа. Дети хотели узнать правду даже больше, чем взрослые.

--- Они везут нас в лагерь, --- солгала Ксанта. --- Нас будут исследовать ученые. Думаю, это будет нелегкая жизнь, и мы никогда не вернемся. Но, по крайней мере, мы будем там жить. Мы будем жить.

--- Ты это выгела? --- спросила старуха.

--- Да, --- ответила Ксанта. --- Я выгела все.

--- Тогда вручим себя в руки судьбы, --- сказала старуха. Она склонила голову, и все остальные узники последовали ее

примеру. — Бүгет благодарны. Даже в
этом месте Император все еще
пристатривает за нами.

Ксанта едва сдержалась, чтобы не
проглотить ложь и поведать правду. Но
это ничего бы не дало.

Она молчала, и старуха позволила
пламени угаснуть.

Обереги, встроенные в доспехи
Аларика, вспыхнули и раскалились добела,
впитывая колдовскую мощь, обрушившуюся
на Серых Рыцарей. Без этой брони и
психически заряженных оберегов
фиолетовое пламя просто сожрало бы до-
костей и его, и других Рыцарей. Их бы
изрезал острый как бритва ветер,
завывающий в астронавигационном куполе
«Безжалостного».

Аларик сжался за обломком купола,
который рухнул сверху и вонзился, как
копье, в исхлестанный ветром пол. Вокруг
ревела буря, грозя сбить его с ног, и он с
трудом держался. Остальные воины тоже
нашли себе укрытия и стреляли вверх, в
демонов, которые оседлали бурю и
носились, оставляя за собой шлейфы из

крутящихся ножей.

Аларик не беспокоился насчет похожих на угрей демонов, летающих над ним. Он верил, что его отделение с ними справится. Его заботил один лишь Бүлзор Хирк.

Еретик, поддерживаемый стальными крыльями, неподвижно висел в воздухе в центре астронавигационного купола, несмотря на колдовскую бурю, окутавшую его тело. Хирк когда-то был человеком, но теперь он выглядел как какой-то примитивный бог, демон, которому поклоняются дикари на далеком затерянном мире. Он распростер шесть рук в жестах благословения и молитвы. Вместо ног у него были глинные плюмажи из радужных перьев, по которым ползали хихикающие и скалящие зубы черти-фатильяры. Лик Хирка оставался человеческим, но там, где должны быть глаза, была лишь гладкая кожа. Глаза же — большие, желтые, круглые — теперь, не мигая, взирали с его обнаженной груди.

По сторонам его живота тянулись ряды недоразвитых рук, сжимающих

свитки со светящимися письменами. Голову венчала корона украшенных алмазами рогов с позолоченными остриями. Священные принадлежности ритуалов, при помощи которых он общался с богатыми — цепи, украшенные бронзой черепа, жертвенные кинжалы, плетъ из фиолетовых сухожилий — парили вокруг него, источая серебряные нити энергии.

— Брат, — сказал Хирк, и слова вторили беззубые рты в его лагонах. — Серый Рыцарь. Сын Императора. Дитя Вселенной. Спасибо тебе. Спасибо, что ты созерцаешь меня. Моя слава — ничто, когда на нее не взирают величайшие из людей.

— Я плюю на твою славу! — крикнул в ответ Аларик, голос которого был едва слышен за воем ветра.

Сверху рухнул демон, чье змеиное тело разорвал болтерный огонь. Краем глаза Аларик видел, как брат Визикаль сбил на пол грубую тварь и сжег ее инсинератором до самых проклятых костей.

— Сейчас ты плюешь, — ответил

Хирк. Голос был до невозможности громкий, но вместе с тем невероятно спокойный и рассудительный, ибо он уже давно лишился здравого рассудка, который необходим, чтобы сомневаться. — Но ты встанешь предо мной на колени.

Аларик посмотрел за спину Бүлгора Хирка. Астронавигационный купол разлетелся на куски. Осколки прозрачного материала усыпали все, что осталось от проекторов голокарт и командного возвышения. В нормальной ситуации пробойна в куполе означала бы, что все помещение открыто вакууму, ибо купол поднимался над корпусом «Безжалостного», словно глаз, глядящий в пустоту. Но ничто на корабле больше не подчинялось законам реальности.

В разбитом куполе бурлил вихрь энергии, видение безумца, смешанное с сырой материей. В его сердце зияло отверстие, пробивающее плену и уходящее в варп. Этот осколок безумия наверняка приковал бы взгляд человека, не прошедшего ментальные тренировки Серых Рыцарей, и заставил бы его

встатриваться туда вечно, пока его тело не утерло бы или пока варн не поглотил бы его целиком. На глазах Аларика частица варна раскололась и открылась, и на него сверху вниз взглянуло серебристое око.

Из этого вихря Хирк черпал свою силу. Энергия сгустилась в картины извращенной жизни еретика, что хаотично стменялись, отражая кипящую преисподнюю его разума. Миллион тел, корчащихся от удовольствия, с улыбками на лицах, и все они сгорали в золотом пламени, которое их научил призывать Хирк. Кошунства в библиотеке Абсалаама, которые вырывались из страниц и кружили вокруг фигуры Хирка, будто черные вороны. Население целого города-улья так горько плакало от преступлений еретика, что слезы превратились в наводнение и утопили их всех.

Аларик оторвал взгляд. Многочисленные руки Хирка делали жесты, при помощи которых он творил колдовство. Вспышки пульсирующего золотого света обрушились вниз, как

маленькие кометы. Аларик выпрыгнул из укрытия и побежал вперед, преодолевая бурю. На лице Хирка появилось легкая улыбка, как будто ему понравилась какая-то шутка, и еще одним жестом он швырнул Серому Рыцарю в грудь легкое копье. Лег разбился о нагрудник, магическая защита доспеха вспыхнула пурпурными спиралями вокруг точки удара.

Аларик упал на одно колено. Он заставил себя продвинуться вперед еще на шаг и вонзил древко алебарды «Немезиды» в пол ради лучшей опоры.

— Я видел тысячу таких, как ты, Хирк! — крикнул Аларик. — Тысячу богов. Тысячу сосудов, вмещающих величие варна. И я знаю то, чего не знаешь ты.

— И что же это? — спросил Хирк.

— Все вы умираете, — ответил Аларик, с трудом делая еще один шаг.

Хирк призвал щит из энергии лунного цвета, покрытый рунами неуязвимости, которыми его обучили его покровители из варна.

— Я бессмертен, — просто сказал он.

--- Тогда у твоих хозяев будет вечность, чтобы наказать тебя за поражение, --- парировал Аларик.

--- Ты не можешь навредить мне, --- сказал Хирк и взмахнул рукой, как будто устал от присутствия Аларика и повелевал ему уйти.

Аларик не ответил.

Он отвел назад руку, наконецник алебарды застыл рядом с его головой. От этого глаза Хирка заблестели весельем, ибо он знал, что даже «Немезида», брошенная Серым Рыцарем, не в силах пройти сквозь чары, которыми он повелевал.

Аларик посмотрел вверх. Он сконцентрировался на глазу в сердце кипящего вихря, оке, что смотрело прямоком из Варна.

Он был силен. И он должен быть силен. Это будет не просто.

Аларик метнул алебарду прямо вверх. Мощь броска была такова, что даже буря не сбила ее с пути. Как будто целый час она тчалась вверх, сквозь вихрь, мимо бесконечных злодеяний, истекающих из

разума Хирка.

И лишь за долю мгновения до того, как «Немезида» настигла цель, Хирк осознал, что хотел сделать Аларик.

Клинок вонзился в глаз, пробил его прямо посередине. Око дернулось, вокруг разошлись волны, стинающие пространство-время, и струя радужно переливающейся крови брызнула из раненого зрачка.

Омут потемнел. Энергия начала утекать. Демоны и жертвы из видений Хирка растаяли, превратившись сперва в скелеты, потом в тьму.

Буря прекратилась. Аларик теперь слышал выстрелы боевых братьев и мог выпрямиться в полный рост, не боясь, что его унесет ветер. Боги, которые взирали на Хирка и наделили его силой, на миг ослепли, и теперь они отвернулись от своего чемпиона. Хирк больше не мог воззвать к ним.

Еретик был ошеломлен. Аларик оказался быстрее: он рванулся вперед, схватил Хирка за оперенный хвост и повалил его на пол, преодолев психическую

силу, которая удерживала его в воздухе.

--- Теперь я могу тебе навредить, ---
сказал Аларик. Он охватил локтем
подбородок Хирка и рванул. Шея Бүлгора
Хирка треснула.

В первый раз Торн был готов.

Его вкатили в комнату из
полированной стали, которую освещал
резкий свет ламп-полос, встроенных в
зеркальные стены. От этого она
превращалась в световой куб. Торн был
привязан к инвалидной коляске, потому
что стимуляция нервов нарушила его
координацию, и он с трудом ходил,
постоянно опасаясь падения. Руки
тряслись, он постоянно потел, тело все
еще ожидало нового приступа напряжения
и боли.

Инструктор Гравенхольм сидел в
комнате, на столе перед ним лежала
толстая папка. Свет создавал над ним
подобие нилба, как будто он был
чиновником при дворе самого Императора,
сортирующим грехи и благодеяния.
Гравенхольм был очень стар и жил лишь
благодаря машине-ювенту, которая

вздыхала на полу у его ног. Он был достаточно важен для Ордо Маллеус, чтобы те использовали тайные технологии для продления его жизни. Когда-то, давным-давно, он был таким же неопытным, как Торн. Эта мысль была одной из тех, что помогали Торну продолжать обучение.

--- Ученик, --- сказал Гравенхольм. Слова сопровождалось прерывистым постукиванием ювената, присоединенного к его древним легким. --- Назови свое имя.

--- Экспликатор-кадет Асцелан Торн, --- ответил тот, стараясь говорить уверенно.

--- Хорошо, --- сказал Гравенхольм. --- Какой процесс ты только что прошел?

Торн сглотнул.

--- Нервная стимуляция прямого типа.

--- Почему?

--- Часть обучения искусству дознавателя. Мы должны сами уметь противостоять техникам вопроса.

--- Понятно, --- Гравенхольм полистал папку. --- До процесса тебе дали запомнить определенные данные. Опиши мне их

содержимое.

--- Нет.

Гравенхольм посмотрел Торну в глаза.

--- Расскажи мне, кадет Торн.

--- Я этого не сделаю.

--- Понятно. Это все.

Санитары вернулись в комнату и покатали Торна наружу.

--- Я прошел, сэр? --- спросил он.

Это были непрошенные слова, которые он выпалил без задней мысли. В ответ Гравенхольм просто проводил его взглядом, перевернул страницу в папке и начал делать пером какие-то заметки.

Во второй раз Торн не был готов.

Он знал, что стимуляция нервов повторится. Но было и другое. Он видел пикт-изображения разрушения и смерти, горящие города, людей, которых убивали и уродовали, и все это перетежалось записями с ним самим. Там он делал вещи, которые не мог вспомнить. В темной комнате люди кричали на него, требуя сознаться в измене и связи с ведьмами и чужими. Он просыпался на хирургическом

столе, врачи описывали мутации, которыми, по их словам, он подвергся. Он не знал, где заканчивается нервная стимуляция и начинаются его собственные мысли.

Он неоднократно видел Гравенхольма. Возможно, это была какая-то пункт-запись, возможно, кошмар. Возможно, он действительно там был. Но теперь Торн снова находился в световом кубе, на сей раз на больничной каталке, и в его руках торчали внутривенные трубки.

--- Как тебя зовут? --- спросил Гравенхольм.

Торн закашлялся и выгнулся от боли. Нервная стимуляция на этот раз была подведена к его позвоночнику, и там, где зонды прошли между позвонками, теперь горели точки боли.

--- Торн, --- сказал он. --- Торн. Экспликатор-кадет.

--- Понятно. Какой процесс ты прошел?

--- Я не... Я не могу точно ответить.

Гравенхольм сделал несколько отметок. Он не изменился с первого цикла тренировки. Машина все еще дышала

вместо него, и лысая морщинистая голова все еще наклонялась под странным углом, чтобы смотреть на Торна поверх очков.

--- Тебе дали заполнить данные. Расскажи мне их.

--- Нет.

Гравенхольм сделал еще одну запись.

--- Если не расскажешь, процесс будет проведен повторно. Начнется гальвейшая нервная стимуляция.

--- Нет, я ничего не скажу.

--- Понятно.

Торн улыбнулся. Он сделал это впервые за долгое время.

--- Я справился, да? --- спросил он. --- Я не сломался. Я прошел? Вы сделаете меня дознавателем?

На этот раз Гравенхольм не потрудился поднять взгляд. Онмахнул рукой, и санитары снова увезли Торна.

В третий раз Торн с трудом узнал комнату. Световой куб был здесь и раньше, но он не знал, воображал ли его себе или действительно его посещал. Его разум был полон полуправды и случайных обрывков. Над ним нависли лица и руки в перчатках.

державшие медицинские инструменты. Он
видел отвратительных существ,
многоглазых зверей, сидящих в ямах с
гниющими телами, рои крошечных
созданий, пожирающих его руки и тело. Он
видел, как его руки превращались в
обугленные кости, и отражение своего
раздутного и разлагающегося лица.

Может быть, это была нервная
стимуляция. Может, нет. Может,
ключевое слово вернуло боль без всяких
зондов, подключенных к позвоночнику. Все
сливалось воедино. Дни не сменяли ночи,
время превратилось в бесконечную ленту,
и память сохраняла лишь несколько ее
колец, а все остальное покрывала тьма.

Торн снова лежал на каталке. Он
лежал так уже какое-то время. Руки
слишком ослабели, чтобы он мог
приподняться. Санитарам пришлось
повернуть его набок, чтобы Гравенхольм
мог видеть его лицо.

--- Как тебя зовут? --- спросил
Гравенхольм под вздох ювената.

Торну понадобилось время, чтобы
ответить.

--- Я не знаю, --- выдавил он. --- Трон живой. О... милостивый Император! Я больше не знаю...

Гравенхольм улыбнулся, сделал последнюю заметку и закрыл папку.

--- Значит, ты готов, --- сказал он. --- Мне ни к чему дознаватель, сохраняющий личность. Сохраняющий свое собственное имя. Лишь когда сосуд пуст, его можно заполнить тем, что нужно Орго Маллеус. Теперь ты можешь начать обучение, экспликатор-кадет. Ты будешь дознавателем.

Сквозь зеркальное окно в стене катеры экспликатора Аларик наблюдал за работой дознавателя. Как и все остальные помещения на «Обсидиановом небе», катера была отделана камнем и выглядела скорее как склеп, нежели часть костического корабля. Дознаватель, одетый в простую униформу служителя Орго Маллеус, разговаривал с Бүлгором Хирком. Тот был прикован к стене, шею поддерживала скоба, чтобы голова не завалилась набок. Позвоночник был перебит, тело --- парализовано, и корабельным медикам

пришлось поспешить, чтобы спасти еретикѹ жизнь, когда Аларик принес его, утирающего, на борт «Обсидианового неба».

--- Торн хорош, --- заметил инквизитор Никсос. Он управлял «Обсидиановым небом» на протяжении всей миссии по поимке Хирка. Это был угрюмый старик, который выглядел настолько древним, что наверняка уже повидал все, что только могло случиться с человеком, ведущим жизнь демоноборца. Он казался хрупким, но Аларик знал, что это иллюзия, которую Никсос специально поддерживал, горбясь и облачаясь в потрепанные черные мантии. --- Он уже выуживает из Хирка ответы. Хирк думает, что боги отвергли его, поэтому со злости рассказывает нам все. Многое из того, что он поведал, довольно интересно.

--- Например? --- спросил Аларик. Он много часов провел за чисткой и повторным освящением доспеха, и теперь тот поблескивал в тусклом свете, выходящем из окна.

--- Похоже, он захватил

«Безжалостный», потому что очень
торопился куда-то добратся, — ответил
Никсос. — Не из-за экипажа, ничего
связанного с флотом. Ему просто нужен
был корабль. То, что он сделал с людьми,
насколько ты можешь сказать, было просто
развлечением.

— Куда он собирался?

— В Око.

Аларик покачал головой. Око Ужаса
открылось, и из него изливались орды
Хаоса. Миллиарды имперских гвардейцев
и целые орды космических десантников
пытались остановить их натиск, который
угрожал дойти до самого сердца Империи
— сегменту Солар. Еретики наподобие
Хирка устремлялись в Око целыми
толпами, чтобы принести клятву
верности лордам Хаоса.

— А именно, — уточнил Никсос, — на
планету под названием Сартис Майорис.
Оттуда донесся зов, и Трон знает, сколько
отради вроде Хирка уже ответило на него.
Похоже, что его вызвало существо,
именуемое Герцог Веналитор. Пока я жду
подтверждения из Ока, но, в любом случае,

я хотел бы, чтобы твое отделение было дополнительно усилено и отправлено на Сартис Майорис, как только мы вытащим из Хирка все, что можно.

--- Ясно. А возможно ли, что Хирк лжет?

--- Может быть. Но, как я уже сказал, Торн действительно очень хорош.

Никсос произнес это с многозначительной устешкой, которая поведала Аларикү все, что он должен был знать о дальнейшей судьбе парализованного еретика.

--- Взгляни на этот корабль, --- сказал Аларик. --- На команду, на ресурсы, которые мы потратили. Сколько всего понадобилось, чтобы мой отряд добрался до «Безжалостного»? Какие жертвы были принесены, чтобы мы смогли сделать то, что должны были?

--- Воистину, даже я не могу сосчитать их, --- признал Никсос. --- Мы должны брать от нашего Империята больше, чем может представить кто-либо из нас. Эта мысль тревожит тебя?

--- Я не могу позволить, чтобы меня

что-то тревожило, -- возразил Аларик. --
Если мы будем размышлять над этим, то
не сможем концентрироваться. Это
подорвет чувство долга. Если наша цель не
стоит жертв, тогда целей, которые их
стоят, просто не существует.

-- Хорошо, -- лицо Никсаса
отрачилось. -- Но не говори о таких вещах
чересчур открыто, юстикар. Для
некоторых они могут звучать как призна
духовной слабости. Как мысли тех, кто
таит сомнение. Если бы ты был
инквизитором, Аларик, то ты мог бы
говорить свободно и показывать печать
Инквизиции всем, кто осмелился бы
усомниться в тебе! Но ты не инквизитор.

-- Я знаю, -- ответил Аларик. -- Но
кто-то ведь должен об этом думать.
Иначе кем мы станем? Мы должны
защищать Имперium, и при этом он
страдает ради того, чтоб мы его
защищали. Как далеко это может зайти,
прежде чем перейдет в безумие? Кто-то
должен следить за тем, что мы делаем.

-- Оставь это нам. А пока что
подготовь своих бойцов. Сартис Майорис --

непростая задача, и нам не хватает сил в
Оке Ужаса. Твое отделение будет
сражаться без поддержки, что бы вам там
не встретилось.

--- Я буду молиться вместе с ними, ---
сказал Аларик.

Некоторое время после того, как
Никсос ушел, Аларик смотрел на работу
Торна. Хоть у Хирка и не было глаз, по его
лицу было видно, что он сломлен.

Чтобы сломить еретика,
понадобились несказанные жертвы. Но
Никсос был прав, думать об этом было
опасно. Аларик закрыл глаза и предался
медитации, и вскоре все мысли исчезли.